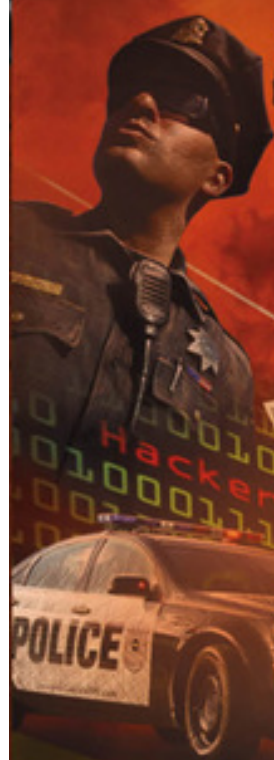

ИМПЕРСКИЙ СЫСК

От Евгения Сухова

Закодированная
месть

Bank of America

notebook

Гениальный хакер

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Закодированная месть

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Закодированная месть / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2015 — (Гениальный хакер)

ISBN 978-5-699-84695-5

Российский хакер Никодим Панкратов, проживающий в США, разводится с женой. Вопреки постановлению суда он собирается увезти с собой в Россию своего малолетнего сына, заплатив отступные своей бывшей супруге. Однако женщина затребовала неподъемную для Панкратова денежную компенсацию. Обиженный на свою супругу, а еще больше на американское правосудие, Никодим разрабатывает и успешно осуществляет план мести. Он взламывает базу данных самого крупного американского банка «Империял» и начинает методично снимать с его счетов деньги. Служба безопасности пытается вычислить дерзкого хакера, но безрезультатно. Руководство банка впадает в панику: если до открытия Нью-йоркской биржи им не удастся остановить хакера, то акции банка рухнут и спровоцируют глобальный финансовый кризис. До открытия биржи остается всего четыре дня...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84695-5

© Сухов Е. Е., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Сухов

Закодированная месть

© Сухов Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

Пришла пора действовать! или Интересное заявление

Бракоразводный процесс проходил в штате Нью-Йорк, знаменитом на всю Америку своим занудством и запутанностью в гражданских делах и невероятно противоречивым кодексом. Неудивительно, что разводы, проходившие в его судах, затягивались на долгие месяцы, вымогая из бывших супругов целые состояния и подрывая нервную систему. Вместе с тем получить расторжение брака без доказательства вины партнера было чрезвычайно сложно и требовалось приложить немало усилий, чтобы обзавестись таковыми. У Никодима Панкратова такие подтверждения имелись...

Хотя о разводе Никодим никогда не помышлял, и вообще семейная жизнь ему нравилась своей стабильностью, высоким социальным статусом, и до недавнего времени он считал супружницу своим крепким тылом. Оба успешные, молодые, впереди их ожидала целая жизнь, полная радостных событий, интересных приключений, незабываемых встреч, приятных впечатлений. Так что поводов для радости было предостаточно! Даже история их знакомства была примечательной, и встреча состоялась не где-нибудь на улице или в темном сквере, а в Национальной библиотеке, где он собирал материал для диссертации, а Маруся приходила готовиться к дипломному проекту.

Вскоре знакомство переросло в нечто большее, чем простая симпатия: закрутило обоих вихрем, оставляя толику времени лишь на оформление диссертации, а ей на подготовку к докладу. Еще через два месяца после защиты кандидатской он получил приглашение из Нью-Йорка в крупную компьютерную корпорацию, обойдя при этом сотни претендентов. В этот же вечер он сделал Марусе официальное предложение, и в Нью-Йорк они отправились уже в качестве законных супругов.

Оставалось только рожать детей и наращивать благополучие, за что, собственно, они и взялись незамедлительно. Труды принесли свои плоды: уже через год у них появился на свет чудный голубоглазый мальчуган, которого единодушно нарекли Артемом...

Все произошедшее с ними впоследствии напоминало бездарный водевиль середины девятнадцатого века. Вернувшись из командировки на два дня раньше запланированного срока, Никодим увидел на расправленном диване два голых тела, сплетенных в любовной нешуточной схватке. Одно из которых, гибкое, стройное и белоснежное, принадлежало его жене, а другое, до неприличия мускулистое, со следами субтропического солнца Калифорнии, принадлежало его однокашнику Михаилу и по совместительству другу семьи. Увлеченные обоюдными ласками, они даже не сразу заметили присутствие законного супруга, оторопело пялившегося на свитые в упоении тела. Причем благоверная позволяла Михаилу такое, чего он не смел попросить ее даже после трех лет совместной жизни. Надо отдать должное Марусе, она всегда была заботливой матерью: покудова «друг семьи» гарцевал на его суженой неутомимым жеребчиком, она слегка покачивала колыбель, не давая сыну расплакаться, откуда тот внимательными и строгими глазенками наблюдал за шалостями взрослых.

И только когда до них дошло, что в комнате они не одни, Маруся испуганно пискнула и запоздало обвернулась в пропотевшую простыню, а Михаил, виновато слепив улыбку, прикрыл широкими руками срам. Никодим подхватил кейс, с грохотом вдруг выскользнувший из вспотевшей ладони на пол, и, громко хлопнув дверью, убрался восвояси.

Возможно, что развод протекал бы менее болезненно, если бы не Артем, которому в ту пору исполнилось всего-то два года. В общем, его брак, который казался ему незыблемым и прочным, как американский доллар, подвергся жесточайшей девальвации, а вскоре и вовсе распался.

Имущество было разделено без сутяжничества. Не желая глотать пыль в американских судах, Никодим сполна удовлетворил требование супруги – заполучить семьдесят процентов от нажитого имущества – и подписал все бумаги, предоставленные ее адвокатами. Камнем преткновения в разводе оставался Артем, которого он хотел оставить у себя.

Вот здесь и началась тягомотина, растянувшаяся на долгих шесть месяцев.

Поначалу дело складывалось для Никодима весьма благоприятно – у женщин в Америке уже давно не было права преимущества перед мужем в опеке над детьми. Феминизация наступала по всем фронтам, мужики активно пятились, так что равенство опеки над детьми – это обратная сторона аннексий и контрибуций. В практике последних лет судьи не однажды оставляли ребенка отцу, но никто не мог сказать наверняка, как сложится в очередной раз. Ключевую роль играл судья, а адвокаты лишь придерживались твердой линии своих нанимателей: одна сторона – оставить ребенка у матери, другая – передать его отцу. Здесь был даже не закон, велась борьба за расположение судьи, и Никодим в этой невидимой войне проигрывать не желал.

Адвокат у Панкратова был из российских иммигрантов – холеный, лохотный, с аккуратной седой бородкой на сухом обветренном лице и на собственной шкуре познавший серьезность американских законов. Как-то однажды он признался, что его первая жена, решившая наказать его по-серьезному, решила отсудить себе его любимого терьера. В результате тот потратил на суд более ста тысяч долларов, но собаку все же вернул. Так что в бракоразводных делах дети и животные очень часто являлись орудием шантажа.

Но дело об опеке над сыном Никодим проиграл. Толстый и невероятно черный негр, будто приняв на себя все грехи своих клиентов, судья вдруг внял невразумительным аргументам адвоката противоположной стороны и объявил о своем решении передать Артема в опеку бывшей жене и, громко утверждая озвученное решение, стукнул молоточком по столу.

Отныне закон вступил в силу.

Не удерживавшись, Никодим выкрикнул судье нечто вроде:

– Вы еще пожалеете об этом!

Судья с любопытством посмотрел на странного русского, а потом строго поинтересовался:

– Интересное заявление... Вы угрожаете суду Соединенных Штатов Америки?

– Простите его, ваша честь, – немедленно поднялся со своего места опытный адвокат. – У моего клиента очень слабый английский, он хотел сказать, что он всецело согласен с решением суда.

Остановив неподвижный взгляд на Панкратове, федеральный судья произнес:

– Я бы посоветовал вашему клиенту серьезно взяться за изучение английского. В дальнейшем это позволит ему избежать очень крупных неприятностей. И еще вот что... я запрещаю ему приближаться к сыну ближе чем на сто метров.

– Ваше честь, мальчик очень привязан к отцу, для него это будет серьезной психологической травмой.

– Решение принято. Считаю, что присутствие отца будет негативно влиять на формирование личности мальчика...

– Насколько долго такая мера наказания, ваша честь? – уныло спросил адвокат.

– До тех самых пор, пока я не пойму, что господин Панкратов раскаялся.

С этой минуты за взрослением сына Никодим Панкратов будет вынужден наблюдать издалека.

* * *

В Нью-Йорке Никодим Панкратов пробыл еще четыре месяца.

Он потерял не только ребенка, но и социальный статус добропорядочного семьянина. Раскололась вдребезги его личная вселенная. Все его жизненные ориентиры, к которым он когда-то стремился, были опрокинуты, как кегли в кегельбане. Дважды Никодим пытался встретиться с сыном, но всякий раз его настойчивость прерывалась полицейскими, вызванными бывшей супругой по номеру экстренной службы. И оба раза ему пришлось просидеть в полицейском участке.

Сержант, оформлявший его задержание во второй раз, сочувственно произнес:

– Советую тебе больше не делать таких глупостей, парень. В третий раз ты можешь оказаться за решеткой. Это Америка, сынок! Здесь с тобой не станут вести разъяснительных бесед.

Следовало придумать нечто особенное, что придало бы его существованию смысл. И когда задумка оформилась в четко очерченный план, Никодим решил вернуться в Москву и навсегда оставить за спиной все сожаления.

Пришла пора действовать!

Глава 2

Самый лучший хакер, или Сто этажей счастья

В Америке было одиннадцать часов утра. Можно сказать, самое рабочее время: все сотрудники давно на своих местах и даже успели выпить по чашке кофе, чтобы придать начинаниям дополнительный импульс. Так что время действовать наступило. Но для начала нужно позвонить бывшей женушке, поинтересоваться, как у нее дела, вряд ли она обрадуется его внезапному порыву, но пусть потерпит, ничего с ней не случится.

Быстро набрав номер, Никодим невольно принялся отсчитывать длинные гудки, после пятого произошло соединение и трубка отозвалась детским голосом:

– Ало!

– Артем! – невольно радостно воскликнул Никодим, узнав голос сына.

– Кто это? – заинтересованно спросил мальчик.

– Это же я, твой папа!

– Папа... – В голосе ребенка прозвучала некоторая растерянность.

– Как ты живешь, сынок? – растрогался Никодим. Голос сына показался ему повзрослевшим.

– Папа, я скучаю по тебе, забери меня. Я хочу жить с тобой...

– А как же мама, – не сразу нашелся Панкратов, проглотив горький ком. – Она же тебя очень любит и будет без тебя скучать.

– А разве ты меня уже не любишь? – потускневшим голосом спросил ребенок.

– Я тебя тоже очень люблю, ты же знаешь... Но я сейчас нахожусь далеко, в России. Я не могу к тебе сразу приехать.

– Папа, я подожду. Когда ты приедешь?

Никодим Панкратов с силой зажмурил глаза, не хватало еще разрыдаться прямо в трубку. Как же объяснить ребенку, что он не может его забрать? Ему даже запрещено его видеть, не то чтобы приближаться. И прежние встречи, случавшиеся подле детского сада, были незаконны и являлись весьма существенным предлогом, чтобы взять его под арест. Благо что об этих визитах не знает его прежняя суженая, а то наверняка устроила бы ему телефонный разгром.

– Я не могу сейчас приехать, – выдавил из себя Никодим. – Понимаешь... Сейчас у меня много работы. Я приеду, как только освобожусь, ты же уже большой, сам все понимаешь... Лучше расскажи, как ты поживаешь.

– Дядя Миша меня не любит и постоянно на меня кричит... А вчера поставил в угол, и я плакал... – Было слышно, как ребенок всхлипнул, невольно заставив родительское сердце сжаться от жалости.

Никодим скрипнул зубами, подавляя невольный вскрик: Маруся переживает новую любовь, так что теперь ей не до сына. Никодим остро почувствовал одиночество сына, собственнно, как и свое. Они похожи не только внешне, у обоих обострено чувство справедливости.

– И за что он тебя наказал?

– За то, что я его не слушался. Он мне сказал идти спать, а я хотел смотреть мультики.

– Я заберу тебя оттуда, ты мне веришь?

– Да, папа.

– Только нужно немного подождать.

– А сколько нужно ждать?

– Может, месяц.

– Хорошо, папа... Пришла мама... Она меня зовет.

– Ты у меня хранить тайны умеешь?

- Да, папа.
- Не говори, что я тебе звонил.
- Хорошо.
- Вот и договорились!

Никодим Панкратов отключил телефон, невольно задержав взгляд на подрагивающих от волнения пальцах: прежде с ним подобного не случалось. Нужно немедленно поехать в Нью-Йорк и, наплевав на все запреты судей, набить Михаилу рожу! Нет, пожалуй, так поступать не стоит, его сразу упрячут за решетку (и надолго!), нужно придумать что-нибудь похитрее, если хотите, поизощреннее, чтобы комар носа не подточил.

Дела о разводе в Нью-Йорке находятся в юрисдикции верховного суда штата, вот с него и следует начать. Без особого труда Никодим проник в базу данных верховного суда и отыскал судью Мартиса. В его персональном деле было указано много полезной информации, в том числе и тот факт, что он является старинным клиентом банка «Империял». Вот оно как, держит свои денежки в одном из самых защищенных банков Америки. Чего же это он так опасается?

Теперь на очереди база данных городского суда. Какой пустяк – на пути всего-то две степени защиты, весьма давно устаревших, вирусный червь пробьет их в течение нескольких минут, предоставив информацию обо всех судьях сразу! Вот только все судьи ему как-то без надобности, чего загружать компьютерную память лишней информацией, а вот конкретного судью по семейным делам, Митчелла, занимавшегося правами на посещения, вот это будет в самую точку. Откуда у него такое право – лишать его возможности видеться с сыном, хотя бы раз в неделю? Это жестоко! Интересно, в каком банке у него вклады? И здесь банк «Империял»! Приятный сюрприз. Видно, в судебной системе этот банк пользуется солидной репутацией, что ж, придется подмочить ему репутацию, а судьям дать повод к разочарованию. «Интересно было бы взглянуть на их физиономии, когда они обнаружат пропажу кровных денежек со своих счетов!» – мечтательно подумал Никифоров.

Справившись еще с одним делом, Никодим позвонил в Германию Виталию, тот отозвался быстро, как будто бы караулил его звонок у аппарата.

- Привет, как ты там себя чувствуешь на загнивающем Западе? – спросил Никодим.

Телефонные мембраны донесли до его слуха вздох, прозвучавший за тысячи километров.

– А как еще может чувствовать себя среднестатистический безработный? На работу ходить не нужно, знай себе отлеживайся, обжирайся!

Панкратов невольно хмыкнул, после чего едко отвечал:

– Трудно тебя представить спящим в какой-нибудь раздолбанной картонной коробке. Тем более что счет в банке тебе позволяет проживать в собственной квартире. Такой счет со многими нолями еще не у каждого работающего отыщется.

– Лукавить не буду, кое-что припасено на черный день... благодаря твоему содействию, конечно. Голова у меня болит...

– Наверное, после вчерашнего кутежа? – Никодим сдержанно хохотнул. – Хлестал из горла «Хеннесси», я угадал?

– Ты, как всегда, проницателен.

– Я тебе вот что звоню... Я нащупал в «Империяле» кое-какие слабые места.

– Это интересно, никто прежде эту крепость не брал.

– Разорю его к черту, как медведь дикий улей, а с ним и всю финансовую систему Америки.

– Ты это серьезно? – Голос Виталия прозвучал озабоченно.

– Серьезнее некуда. Я эту чертову Америку на колени поставлю! Она у меня на паперти будет стоять и милостыню станет просить!

– Послушай, Никодим, может, не стоит горячиться, уж слишком серьезно ты замахиваешься, у этого банка тысячи финансовых связей по всему миру. Если ты его взломаешь, то

можешь поломать всю отлаженную систему, наработанную десятилетиями. А это чревато большими последствиями. Может так тряхнуть, что сам не рад будешь. Может, лучше отказаться от этой идеи?

– Виталик, ты, кажется, не въезжаешь, я плевать хотел на эту Америку и на ее финансовую систему! Они забрали у меня сына! Хотя не имели права делать этого. А еще судья заявил, чтобы я держался от сына на расстоянии ста метров! А ты говоришь, чтобы я их пожалел.

– Если ты попытаешься нанести им ущерб, то за тобой будет охотиться вся полиция мира. Американцы народ злопамятный, не успокоятся до тех самых пор, пока не найдут тебя. А когда разыщут, так посадят пожизненно. Ни одна страна тебя не сможет укрыть!

– Руки короткие, им еще поймать меня нужно! Кстати, а чего это ты вдруг меня отговариваешь? Если ты больше не со мной, так скажи прямо... Чего за формулировками прятаться. Я другого партнера найду, не проблема.

Виталий вздохнул:

– Опять ты горячишься. Ты же знаешь, я всегда с тобой. Вместе мы начинали, вместе и завершим это дело. Если ты все-таки решил, так я тебе советую хотя бы побережись, просчитать все как следует. Я знаю, что у тебя башка варит лучше любого компьютера, но все-таки...

– Я тебя понял, обещаю в авантюры не впутываться. А теперь давай поговорим конкретно о деле. Откроешь счета на свое имя в банках Люксембурга, Лейпцига, Франкфурта-на-Майне и Берлина. Номера счетов вышлешь мне по электронной почте. Сумеешь?

– Дело несложное.

– Все это нужно проделать в самое ближайшее время! В три дня уложишься?

– Постараюсь.

– Потом я перечислю на эти счета деньги. Для начала суммы будут небольшие, где-то по пять тысяч долларов. Потом перечисления будут крупными.

– Я понял. Ты вообще никогда на мелочь не разменивался. Какая моя доля?

– Третья часть от всех полученных денег. Тебя устроит?

– Вполне! Они тебя не отследят? – с сомнением спросил Виталий.

– Не отследят. Аудит я забронирую, журнальные записи тоже, эти деньги пройдут еще через десяток банков, прежде чем попасть в Германию. А потом в ближайшие несколько дней у них будут проблемы куда посерьезнее, так что им будет просто не до этих счетов.

– Понял.

Отключив телефон, Никодим подошел к столу и включил компьютер. Еще через несколько секунд на мониторе появилась заставка: фотография худощавого смуглого молодого парня в темной клетчатой рубашке навыпуск. Это был компьютерный гений Томми Харриссон, начавший блистательную карьеру хакера в двенадцатилетнем возрасте, когда залез в компьютерную базу собственной школы, для того чтобы исправить собственные оценки. Очевидно, азы компьютерной грамоты он постигал в утробе матери, прославившей весьма неплохим программистом.

В четырнадцать лет, находясь в гостях у бабушки в Кентукки, Томми с ее домашнего компьютера взломал информационную базу департамента обороны, чтобы прочитать доклады об инопланетянах, которыми в то время очень интересовался. Все, что удалось Томми Харриссону выудить из секретных лабораторий, он немедленно разместил во Всемирной паутине, сделав информацию предельно доступной. Специалистам из министерства обороны пришлось немало потрудиться, чтобы впоследствии заблокировать все сайты, имеющие хотя бы какое-то касательство к передовым технологиям.

Его бабушку (шестидесятипятилетнюю пенсионерку, выходившую на улицу только для того, чтобы полить перед домом разросшиеся розы и закупить продукты в супермаркете, расположенном через дорогу) агенты ФБР препроводили в местный отдел и предъявили обвинение в шпионаже. Старушка сразу догадалась, чьих это рук дело, но выдавать смышленого

внучка не собиралась и готова была следующие двадцать лет своей жизни провести в тюрьме для особо опасных преступников. Незадолго до суда на сайте министерства обороны Томми подробно описал, каким образом ему удалось взломать одну из самых защищенных систем мира, чем спас бабулю от пожизненного заключения.

Сравнительно скоро агентам ФБР удалось выяснить, откуда Томми отправил свое сообщение – из небольшого компьютерного салона близ Лос-Анджелеса, но когда через несколько минут туда заявила полиция, юного хакера уже и след простыл.

Весь следующий год Томми забавлялся тем, что разъезжал по Америке: когда автостопом, а когда рейсовыми автобусами, используя для этого билеты, брошенные пассажирами в урну. Для того чтобы билеты стали действительными, не нужно было обладать гениальным мышлением, достаточно было всего-то сменить пару цифр на номерах, что он мастерски проделывал. Еще он занимался промышленным шпионажем, продавая информацию и компьютерную технологию заинтересованным лицам. Сами деньги его интересовали не особенно, потребности были минимальные – небольшое количество еды да шоколад, – куда интереснее было проникнуть в защищенное виртуальное пространство военных ведомств, считавшееся до его вторжения тайной за семью печатями. Одним из значимых последних дел была атака на НАСА, где он, прорыскав с пару часов по всей сети в надежде отыскать что-нибудь новое о космических пришельцах, был наконец отслезен.

Отловили Томми Харрисона в Южной Каролине на безлюдной проселочной дороге патрульные полицейские, поднятые по тревоге на его поимку. У каждого полицейского штата в кармане была фотография юного гения, так что вопрос о его задержании был всего-то вопросом нескольких часов.

Ввиду того что Томми не достиг совершеннолетия, суд приговорил его к шестимесячному сроку, обязав его следующие пять лет не прикасаться даже к клавиатуре. Однако о своих обязательствах он тотчас позабыл, как только покинул казематы. Первые двенадцать часов, проведенные на свободе, запомнились ему тем, что он создал программу вируса под названием «Сороконожка», способного подбирать пароли к самым непреступным записям, после чего запустил его в полицейскую сеть Южной Каролины. В считанные минуты со счета судьи, вынесшего ему обвинительный приговор, была снята кругленькая сумма (впоследствии в одном из интервью Томми объяснил, что это была компенсация за его моральные страдания) и переведена в Фонд помощи заключенным, а свое пребывание в полицейском участке и шесть месяцев заключения в федеральной тюрьме он просто стер!

Еще четыре года ушло на учебу в колледже, где Томми неизменно пребывал в числе лучших студентов. Со стороны выглядело, что он навсегда покончил с хакерским ремеслом, но что было в действительности, никто толком не знал. Его приятели доверительно шептались, что Харрисон только приумножил свое мастерство, а поэтому более не попадался. А через два года после окончания колледжа Томми сбила машина. Хакеры говорили, что в его смерти виноваты серьезные государственные структуры, не смилившиеся с тем, что гениальный парень, поддаваясь соблазну, нередко заходил на сайты министерства обороны.

Именно в этот период в Америке проходила энергичная борьба с хакерами. Часть из которых, поддавшись на посулы и предав уже сложившийся хакерский кодекс – не поднимать «мышку» на коллегу, – принялись работать на государство и занимались тем, что отслеживали в сетях бывших сотоварищей, собирая на них компромат и доказательную базу для суда. Другая часть хакеров, проявив характер, наотрез отказалась от сотрудничества с властями и продолжала блуждать в бескрайних просторах Всемирной паутины, выуживая конфиденциальную информацию.

Вот только у второй части непримиримых хакеров судьба складывалась зачастую трагически: одни вдруг подсели на иглу, другие оказались «склонны» к суициду, а третьи и вовсе погибали при весьма «загадочных» обстоятельствах. Томми как раз был из числа последних.

Он был самым молодым из хакеров и, пожалуй, самым одаренным – на момент смерти ему исполнилось всего-то двадцать четыре года. Однако он успел сделать столько всего, что хакеры всего мира причислили его к лику святых.

Даже внешне Томми выглядел очень светлым малым. Практически на всех фотографиях его можно было увидеть улыбающимся, природа наделила его невероятно располагающей наружностью, которая всегда так притягательна для девушек. Это называется харизмой.

Некоторое время Никодим смотрел на заставку. Неизвестный фотограф, возможно, один из тайных поклонников его гения, запечатлел Томми Харриссона в каком-то пивном баре, всего-то за несколько часов до кончины. Бар был полон. Томми находился в компании молодых людей, видно, таких же бесшабашных хакеров, как и он сам. По одну сторону от Томми, прижимаясь к его плечу, стояла белокурая девушка, с восторгом взиравшая на него крупными серо-зелеными глазами, по другую – темноволосый парень с примесью латинской крови.

Никодим не однажды пытался отыскать людей с фотографии, буквально шаря в их поисках по всему свету. Но многочасовые блдения перед компьютером давали лишь отрицательный результат. Дважды в групповой фотографии ему попадалась девушка Томми, которую звали Даниэла. После окончания колледжа она проживала в Нью-Йорке, а потом после его смерти, поговаривают, укатила куда-то в Лондон. В общем, следы ее самым таинственным образом затерялись. А может, она просто не хотела ни с кем встречаться и старательно берегла свой покой. Очень интересно было бы пообщаться с ней, узнать, каким Томми был в обычной жизни. Наверняка шальным и задорным, как на фотографии, способным пленять самые неприступные девичьи сердца.

Томми Харриссон всегда брался за самые высокие вершины, и не было случая, чтобы он не осуществил задуманного. Видно, в его крови присутствовал какой-то компьютерный ген, значительно отличавший его от прочих миллиардов людей. Он умел быстро и каким-то невероятным образом, основанным, по всей видимости, лишь на собственных ощущениях, находить наиболее уязвимые места в самых неприступных компьютерных системах и с легкостью проникать в них, не оставляя после своего несанкционированного посещения даже крошечного следа. У некоторых и вовсе складывалось впечатление, что он был самый настоящий колдун и просто искусно заговаривал компьютерную сеть.

Как показалось Никодиму, сейчас Томми выглядел несравненно веселее, чем в прошлые включения, будто бы осознавал, что именно предстоит проделать в Сети. Так что в какой-то степени они были соучастники.

Щелкнув мышкой, Никодим Панкратов вошел в банк «Империял». По своему уровню защиты банк не уступал НАСА и Пентагону, а быть может, в чем-то даже превосходил их, потому что в американском обществе деньги всегда играют ключевую роль, привлекая под свое крыло самые незаурядные и бесшабашные головы.

Дверь кабинета слегка приоткрылась, и на пороге с распущенными длинными каштановыми волосами, тонкими, извивающимися струйками спадающими на худенькие плечи, предстала Жанна. Через легкую светло-голубую ткань, будто бы спрятанную в далекой дымке, просматривалось ее аппетитное сдобное тело, особенно эффектно оно выглядело в области груди и бедрах, заставив его невольно отстраниться от клавиатуры.

Жанна была из тех девушек, что способны удивлять мужчину едва ли не каждый день. Вот взять хотя бы сегодняшний вечер: вроде бы незнакомых мест на ее теле более не осталось, исследовать как бы нечего, пальцы помнили каждый миллиметр ее атласной кожи, но стоило ей только набросить на плечи полупрозрачную ткань, как он смотрит на нее уже совершенно иными глазами.

Чуток улыбнувшись, видно, довольная произведенным эффектом, Жанна мягко произнесла:

– Ты сказал, что скоро подойдешь, а тебя все нет. Я тебя уже ждалась.

Никодим оторвал взгляд от ее длинных ног, скромно спрятанных в полупрозрачную голубоватую ткань, будто бы в вуаль, и ответил:

– Да... Я сейчас подойду. У меня тут небольшое срочное дельце наметилось, нужно успеть.

– Ты же знаешь, что нехорошо заставлять девушку долго ждать, – едва улыбнувшись, произнесла Жанна. За ее мягкими интонациями слышалась решимость действовать. Ежели обидишь, так уйдет, даже не попрощавшись!

– Прости, милая, – припустив в голос нежности, с готовностью отозвался Никодим. – Мне осталось всего-то пять минут, не оставлять же начатое дело на середине. Иначе потом мне придется начинать все сначала.

– Хорошо, – не без колебания сжалилась девушка, – но если тебя не будет через пять минут, то я могу просто... уснуть.

– Уверяю, я тебя не разочарую, – отозвался Никодим, стараясь придать своему голосу как можно больше сердечности.

Девушка удалилась, не сказав более ни слова.

Достав мобильный телефон, Никодим быстро набрал номер.

– Слушаю, – раздался бодрый женский голос.

– Маруся, только не бросай трубку, это Никодим.

– Как ты узнал мой новый номер... Хотя понимаю, для тебя ведь нет секретов. Что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы Артем жил со мной. Он тебе все равно не нужен. Суд ошибся, он должен был оставить Артема со мной!

– Ты это говоришь серьезно?

– Да.

– Скажу тебе откровенно, я с Артемом действительно очень сильно намучилась, он стал просто какой-то неуправляемый, как будто бы в него вселился бес. Постоянно говорит, что переберется к тебе, что меня ненавидит, я даже не знаю, что я ему такого сделала!

– Что ты хочешь, чтобы ребенок остался со мной? Ты же сама знаешь, что так для него будет лучше. Чего его травмировать.

– Возможно, что ты и прав... Сейчас я в положении... У меня опять будет сын, а Артем меня просто изводит... Хорошо, ты можешь его забрать, если достанешь мне пять миллионов долларов.

– А ты не откажешься от своих слов?

– Нет. Очень надеюсь, что этот наш разговор не станет инструментом для шантажа. Я устала.

– Я принесу тебе эти деньги и заберу Артема! Все, пока!

Стоэтажный офис банка «Империял» был запечатлен со стороны Атлантического океана с высоты птичьего полета. Под выбранным ракурсом он казался едва ли не центральным местом Даунтауна. А возможно, что так оно и было в действительности. В последние годы капитализация банка разрослась до такой степени, что его финансовым возможностям позавидовали бы даже развитые страны Европы. По-существу, банк представлял собой не что иное, как государство в государстве, с собственными законами, регулирующими гигантскую империю, раскинувшуюся по обе стороны Атлантического океана. Имелся генералитет, принимающий ключевые решения и значительно влияющий даже на финансовый климат планеты. Водилась собственная армия, как военная, так и интеллектуальная, стоящая на страже накоплений, среди которых были настоящие монстры киберпространства. Банк «Империял» привык забирать все самое лучшее, а потому мог себе позволить столь дорогих монстров.

На следующей фотографии банк был запечатлен несколько ближе, со стороны проспекта, где между пятидесятым и семидесятыми этажами размещалось его руководство, его мозг и

его нерв, от решения которого зависел финансовый климат планеты. На сороковом этаже размещался плановый отдел, сжирающий несметные деньги и всецело оправдывающий собственное название, работавший на перспективу, на десятки лет вперед, в надежде на то, что когда-нибудь банк «Империял» накроет своими филиалами всю планету. И надо признать, что для подобной честолюбивой задумки были весьма серьезные основания.

Что ж, посмотрим, как вы справитесь с такой небольшой головомолкой, как вирус-шпион. Открыв сайт, Никодим Панкратов прикрепил к одному из документов вирус и активизировал его кнопкой мышки. Едко усмехнулся, подумав о том, с какой энергичностью вирус принялся вгрызаться в тело банковской операционной системы, разъедаая до волокон его некогда крепкое и мускулистое тело. Подобно раковой опухоли, вирус принялся создавать собственные копии, энергично внедряться в другие программы, загружаться в системные области памяти. В мозгу Никодима Панкратова тотчас возникла впечатляющая картинка, как копии мгновенно разошлись по каналам связи и с радостью взялись за блокировку программно-аппаратных комплексов. Произошел взлом компьютерной системы банка, и вирусы-шпионы, внедренные в банковскую сеть, уже через несколько мгновений угодливо предоставили ему данные первых клиентов, включая их расчетные счета и номера пластиковых карт.

Тут важно не пожадничать, а брать потихонечку, чтобы даже прижимистый клиент не заметил пропажу в пару сотен долларов. За полтора часа непыльной работы можно набрать несколько тысяч баксов – весьма неплохой заработок к основному месту работы. Оставалось только набрать логин и пароль, а затем перевести деньги на собственный банковский счет в Москве.

С кого начнем?

Ага, лучше всего с капиталиста Лукаса Кеатана. Вряд ли для его текущего счета в пятнадцать миллионов долларов будет обременительна пропажа в триста пятьдесят долларов. Эти деньги пойдут на его счет в «Московский Витязь».

Кто будет следующим?

По всей видимости, Мартин Штрон, он не обеднеет, если отщипнуть от его десятиmillionного состояния сто пятьдесят баксов... Эта сумма пойдет в банк «Российские просторы».

Никодим прекрасно осознавал, что когда у него в руках была мышка, то он становился настоящим художником, не хуже, чем Пикассо.

Далее на очереди была некая Клавдия Цвэг со счетом в семь миллионов триста пятьдесят тысяч долларов. Будем надеяться, что она не станет обижаться, если отщипнуть от ее лицевого счета такую некруглую и незапоминающуюся сумму, как сто тридцать восемь долларов... Эта сумма попадет на его счет в банк «Руслан».

Щелкнув кнопкой, Никодим заставил вирус успокоиться. И тот, прирученный, укрощенный, позабыв про свое агрессивное начало, подстроился под программное обеспечение, затих до следующей команды.

Сегодняшний день не прошел бездарно, обогатив его более чем на десять тысяч долларов, весьма неплохая надбавка к окладу младшего научного сотрудника рядового института. На пару дней можно будет сделать перерыв, чего же злоупотреблять великодушием богатого спонсора.

До хит-парада еще далековато, но шаг к нему уже сделан!

Выключив компьютер, Никодим зашлепал в спальную комнату, где на широкой двуспальной кровати, подсвеченной высоким торшером с зеленым абажуром, возлежала Жанна. В руках у нее была какая-то книга в пестрой обложке. Вряд ли она вчитывалась в содержимое, уж слишком сурово посматривала в открытые страницы.

– Ты задержался, – объявила Жанна, когда он вошел в комнату, расстегивая рубашку. – Я чуть не уснула.

– Я готов покаяться.

– И каким же образом будет происходить покаяние? – Жанна отложила в сторону книгу, как-то уж слишком поспешно и небрежно. Наверняка у нее были какие-то собственные счета с этим автором.

Девичий взгляд как-то оценивающе задержался на его груди, мускулистых руках. Всякий, кто видел его крепкую фигуру, полагал, что он привык поднимать нечто более тяжелое, чем компьютерная мышка.

Никодим устроился на край кровати и принялся стягивать с себя брюки, хитровато поглядывая на Жанну, старательно делающую вид, что сердится.

– Например, купить тебе серьги с бриллиантами. Ты какого цвета предпочитаешь: розовые, голубые, а может быть, черные?

– Ты это серьезно?

– Разве я тебе хоть раз давал повод усомниться в моей честности?

Жанна выглядела слегка растерянной.

– Конечно же, нет, – ответила она, слегка улыбнувшись. Теперь она выглядела немного виноватой. – Просто... Просто как-то неожиданно. Но я бы хотела бесцветные и прозрачные, в них очень хорошо играет свет. Такие серьги были у моей бабушки.

Какую же малость нужно подарить девушке, чтобы она позабыла о мужских прегрешениях: всего-то пару блестящих камешков!

– Тогда пойдем завтра в ювелирный салон, и ты сама выберешь то, что тебе понравится.

– Неужели ты так хорошо зарабатываешь?

Книжка, лежащая на журнальном столике, была давно позабыта, впрочем, как и ее герои, спрятавшиеся под пестрой броской обложкой.

Никодим неопределенно пожал плечами:

– Просто подвалила небольшая халтурка. Решил, чего отказываться от денег. Ты же знаешь, что я неплохой программист.

– Во всяком случае, в компьютерах ты разбираешься хорошо.

– Мне нередко поступают подобные заказы.

У Жанны было еще одно хорошее качество: едва она оказывалась под одеялом, так тотчас избавлялась от всех покровов, даже таких легких и прозрачных, как ночная рубашка. Так что дожидалась его всегда голой. Очень хотелось верить, что не разочаровала его и в этот раз. Никодим слегка приподнял краешек одеяла, глянув на озорное выражение лица девушки, и остался весьма доволен, что не ошибся и в этот раз.

Юркнув под одеяло, Никодим слегка обжегся о ее атласную кожу, но отодвигаться не стал.

– Может, ты завтра немного опоздаешь на работу? – с надеждой спросил Никодим.

– Что ты! – округлились девичьи глаза. – У нас ведь с этим очень строго. – Ты лучше проводи меня до работы. – Невесомая девичья рука сначала слегка скользнула по его бедру, а потом медленно поползла по груди, остановившись у самой шеи.

– Хорошо, я так и сделаю, – произнес Никодим, подминая под себя тонкое податливое девичье тело. В какой-то момент ему подумалось о том, что ее кости не выдержат столь откровенного насилия. Но нет – под ним было крепкое и сильное женское тело, жаждущее страстной любви.

Глаза девушки закрылись, она как-то разом вся изменилась, издав тихий стон, и Никодим поцеловал ее прямо в разомкнувшиеся губы.

Глава 3

Ограбление, или Полиция сейчас подъедет

Утром Никодима разбудил тревожный звонок, какой может быть только в полшестого утра. Впрочем, все звонки, раздающиеся раньше восьми часов, чаще всего как раз и бывают именно таковыми. Нужно иметь чрезвычайные обстоятельства или весомую наглость, чтобы выдернуть человека из теплой постели в несусветную рань.

Прислушавшись, Никодим осознал, что звучит мобильный телефон Жанны, бесстыже раскинувшейся поверх скомканных простыней и слегка посапывавшей через полуоткрытый рот. Она принадлежала к тому сообществу девушек, которых не портили ни смазанный макияж, ни сопение, переходящее в небольшой храп, ни разбросанные по постели ноги (по мнению Никодима, последние только украшали ее природную красоту). Сомлевшая от миновавшей бесшабашной ночи, Жанна совершенно не реагировала на телефонный перезвон, усиливающийся с каждой секундой. Никодим чувствовал, как внутри его, в каждой клетке, отвечающей за раздражение, возрастают амплитуды вынужденных колебаний, уже совпавшие с внешней возбуждающей частотой телефонного звонка, отчего от проявившегося резонанса просто начинали побаливать зубы. Но Жанна, разомлевшая от бесстыдных ночных ласк, лишь отвернулась от назойливого источника звука, как бы тем самым выказывая внешним раздражающим факторам полнейшее пренебрежение.

На столь естественную и откровенную красоту хотелось полюбоваться, единственное, что ему мешало, так это усиливающаяся трель, которая через секунду-другую перерастет в пожарную сирену.

– Жанна, – слегка тронул Никодим девушку за плечо, – тебе звонят.

Но едва девушка приоткрыла глаза, как тотчас стыдливо натянула на себя одеяло и хмуро произнесла:

– И кому это я понадобилась в полшестого утра?

Никодим лишь усмехнулся:

– Одно дело ночью, но сейчас... Мне бы тоже хотелось это узнать. Может, тебя проверяют, где ты сейчас находишься?

– Это у тебя шутка, что ли, такая? – покосилась девушка на развеселившегося Никодима, уже присевшего на кровать и неторопливо влезавшего в брюки.

– Ну-у, не знаю... Девушка ты свободная. Мало ли... поклонников?

– У меня, кроме тебя, никого нет. Ты это сам знаешь прекрасно.

Отчего-то возникло желание подзадорить девушку.

– А старые обожатели? – невинно улыбнулся Никодим.

Жанна негодуя отвернулась.

Дотянувшись до телефона, продолжавшего трезвонить на журнальном столике, произнесла голосом, от которого у всякого абонента должно было пропасть желание продолжать диалог:

– Слушаю.

Некоторое время Жанна просто молча слушала чей-то длинный бойкий монолог, все более просыпаясь и розовея. Сонные глаза округлились, кожа на щеках разгладилась. Теперь она напоминала ту самую девушку, каковой предстала в его кабинете вчерашней ночью, с той лишь разницей, что сейчас на ней не было ночной рубашки. Проснулось желание, и Никодим едва удержался, чтобы не повалить Жанну на смятые простыни. В этой чертовке определенно есть какое-то очарование. Иначе она не продержалась бы подле него даже месяц.

– Донан, послушай, мы обо всем с тобой переговорили, – неожиданно произнесла Жанна на хорошем английском, – я остаюсь в Москве.

До Никодима, сидевшего по другую сторону кровати, донесся грубоватый рокот взволнованного мужского голоса, до предела накаливший все мембраны мобильного телефона. Похоже, что неизвестный абонент был сильно расстроен. Вот ведь как в жизни бывает: неизвестный ухажер звонит девушке через три моря и даже не подозревает о том, что его разлюбившая лежит в постели другого и готова отдаться ему по первому же требованию.

Застегнув рубашку, Никодим посмотрел на девушку, выглядевшую несколько рассерженной. В досаде, качнув головой, Жанна вновь с каким-то не известным прежде ему ожесточением включилась в диалог:

– Если ты считаешь, что нам есть о чем поговорить, тогда приезжай! Где я живу, ты знаешь. А сейчас мне нужно просто отоспаться, ты меня очень рано разбудил. В России сейчас утро... если ты не знаешь. Не мог уснуть? Поверь мне, я о тебе не думаю так, как ты обо мне. У меня все в порядке.

Громко выдохнув, Жанна отключила телефон.

– Ты великолепно говоришь по-английски.

– Да, мне уже говорили об этом, – вяло отреагировала девушка, поднимая со стула узкую розовую полупрозрачную ткань с какими-то замысловатыми узорами, оказавшуюся трусиками. Осмотрев их, она тотчас натянула их на слегка полноватые бедра, придававшие ее фигуре большую женственность.

– Ты мне никогда не говорила о том, что знаешь английский.

– Послушай, Никодим, – слегка раздраженно произнесла девушка, – не могу же я рассказывать тебе о каждом мгновении своей жизни. Если тебя интересует, так я могу ответить тебе, что в моей судьбе был период, когда я очень много времени отводила для изучения английского.

Жанна просто обожала мужские рубашки, причем почему-то больших размеров, и предпочитала носить их поверх джинсов, отчего ее фигура, и без того длинная, становилась еще более долговязой.

– Это звонил человек, из-за которого ты учила английский?

– Нет, английский я знала до него, – отреагировала Жанна с некоторым вызовом, одернув рубашку. – Его я выучила в английской спецшколе. Если тебе интересны подробности, то он был моим... кавалером полгода назад.

– И где ты с ним познакомилась?

– Тебе это очень важно или ты просто так спросил?

– Ну-у, я ничего о тебе не знаю...

– Он американец, его зовут Донан, но познакомились мы в Италии. Сначала вроде бы все было замечательно, он показался мне таким интересным, широким, щедрым, а потом как-то понемногу я в нем разочаровалась. А там и вовсе как-то все расклеилось. Хотя он весьма состоятельный человек, работает в банке, на хорошем счету у руководства. Уверена, что он будет расти и дальше.

– Значит, не жалеешь, что рассталась? – спросил Никодим, смерив девушку красноречивым взглядом.

Жанна глаз не отвела, смотрела прямо перед собой: стыдиться ей было нечего.

– Нисколько. Потому что у меня есть ты.

– А не ошиблась ли с выбором? Он все-таки банкир, а я младший сотрудник рядового института.

Признания Жанны слегка ошарапали душу. В образовавшейся язве имелась одна странность: дело в том, что к девушке Панкратов не испытывал особых чувств, и если бы пару месяцев назад она вдруг сделала выбор в пользу кого-то третьего, так он позабыл бы о ней уже через

несколько дней. Но за прошедшие несколько недель много чего изменилось: он привык к ее теплу в своей постели; ему нравился запах ее волос; симпатичным казалось даже ее сопение во сне. А потому этот утренний звонок внес в его душу некоторый разлад и сумятицу.

Расценив мрачноватость Никодима по-своему, Жанна с долей обиды в голосе произнесла:

– Мне уже двадцать три года. Для девушки это много! Ты думаешь, что я сидела на лавочке и дожидалась, когда мимо меня проедет добрый молодец на красивом коне в яблоках, чтобы броситься к нему на шею, так, что ли? Ведь все это время у меня тоже была какая-то своя жизнь, я влюблялась, меня тоже любили. Страдала, не спала ночами, совершала какие-то ошибки. Мучилась, разочаровывалась... Но все это было до тебя. Потом повстречался ты, и я все позабыла. – Жанна подошла к нему вплотную и взяла его ладонь обеими руками. – Ты очень расстроен?

– Не особенно, – пожал плечами Никодим, освобождая пальцы из узких девичьих ладоней. – Я ведь тоже не жил монахом, а потом ты взрослая девочка, сама все решаешь, нам с тобой хорошо, и это главное.

Лицо Жанны просветлело. Женщины очень напоминают детей, достаточно только их похвалить или подарить шоколадку, как все обиды безотлагательно остаются в прошлом.

– Я знала, что ты меня поймешь. Ой, – посмотрела девушка на часы, – я опаздываю. Ты меня отвезешь на Дмитровское шоссе, на работу? – с надеждой посмотрела она на Никодима.

Отказать таким глазам может только бесчувственный болван, а Никодим таковым не являлся, а потому с легкостью согласился:

– Буду очень рад побыть с тобой еще немного.

– Я быстро, – произнесла Жанна и заторопилась в ванную комнату. – Мне нужно только слегка подкраситься.

– Не переживай, я тебя подожду, – согласился Никодим, отправляясь на кухню.

Включив электрочайник, деловито загудевший, Панкратов наложил в вазочку айвового варенья. Его холостяцкая конура, не знавшая прежде женской руки, с появлением Жанны как-то незаметно преобразилась. На кухне появился чайный сервиз с мельхиоровыми ложечками и вазочками из синего стекла, куда обычно Жанна накладывала варенье. Собственно, и варенье было тоже ее, и надо признать, варила она его отменно, добавляя в качестве ингредиентов растертые орешки и мелко нарезанную кожуру лимона, отчего оно приобретало особую пикантность.

Стол, прежде привычно заставленный немытой посудой, резал взгляд операционной чистотой. Отыскать на нем хлебную крошку не сумел бы даже изголодавшийся таракан.

Подле барной стойки лежал вчетверо сложенный передник.

В прихожей подле двери теперь висели женское пальто и малиновая куртка, а в его спальне, где женщины были всего-то транзитные пассажиры, теперь на полках шкафа можно было натолкнуться на прозрачную комбинацию, а то и вовсе на кружевные женские трусики.

Была еще пара туфель, скромно поставленных в самом углу, и мохнатые тапочки в виде симпатичных зайчиков, но самое главное – с ее появлением в душе установился желанный покой. Не сказать, что он приобрел внутреннюю гармонию, за которой просто не существовало совершенства, просто в какой-то момент Никодим поймал себя на том, что ему приятно ощущать рядом с собой ее пылкое тело. Теперь он был почти семейным человеком, не нужно было шляться вечерами по кабакам, чтобы снять понравившуюся девчонку, то, зачем он охотился, находилось на расстоянии вытянутой руки. Не нужно было назначать свидания и думать о том, появится ли девушка или у нее вдруг обнаружатся какие-то иные дела. Не нужно было терзаться подозрениями о том, что в это самое время она предпочтет отправиться к другому ухажеру, так же добивающемуся ее благосклонности.

Так что можно было сказать, что у него шло все своим чередом. Никодим успокоился и, кажется, вполне был доволен своим нынешним состоянием.

Из ванной комнаты выскочила Жанна. Стремительная, дерзкая, с умеренным макияжем на чутьчку полноватом лице, что невероятно подходило к ее крепко сбитой фигуре. Эдакая амазонка, вставшая на тропу войны. Вот только вместо походов в Азию ее ждал обменный пункт на Дмитровском шоссе, где она была старшим кассиром.

– Так мы идем?

– Ты не выпьешь кофе? – удивился Никодим.

– Попью на работе. Боюсь опоздать. Ты же знаешь, у нас с этим строго.

Панкратов лишь покачал головой:

– И хочется тебе возиться с этими обменниками? Ты же закончила экономический факультет. Могла бы отыскать куда более престижное место.

– Какое, например? – с некоторым вызовом повернулась к нему Жанна. – Подскажи?

– Ну-у, не знаю, – неопределенно пожал плечами Никодим. – Можно, например, где-нибудь в аудиторской компании устроиться. Или бухгалтером в какую-нибудь контору, им всегда хорошо платят. А может, в банке каком-нибудь удастся пристроиться...

– В банке? – Крупные глаза девушки как-то нехорошо блеснули. – Ты же знаешь, что просто так туда не пристроиться. Нужна серьезная протекция, если ты сумеешь найти для меня хорошее место, то буду тебе очень признательна, – фыркнула девушка.

– Попробую, – неопределенно пообещал Никодим.

– А поскольку пока нет ничего конкретного, поработаю обычным кассиром. Ну, чего мы стоим? Потопали! – поторопила Жанна и стремительно зашагала по коридору.

* * *

Обменный пункт, в котором работала Жанна, размещался в крупном жилищном комплексе на пересечении Дмитровского проспекта и Долгопрудненского шоссе; неподалеку выходил крупный торговый центр со станцией метро, так что недостатка в клиентах не было. Кроме того, за прошедшие несколько месяцев у нее появились постоянные клиенты, звонившие ей загодя, чтобы помогла обменять крупную сумму. Деньги шли хорошие, что ее устраивало всецело, так что Жанна не особенно задумывалось о перспективе карьерного роста и уж тем более не стремилась заглядывать в завтрашний день. Если уходить с хлебного места, так только со значительным повышением зарплаты.

Никодим подвез Жанну точно к порогу обменного пункта, такому же бронированному, как банковский сейф, чем-то напоминающий ДОТ – со стороны улицы лишь небольшое окошечко, выложенное в форме бойницы, единственное уязвимое место.

– Пройдешь внутрь? – предложила Жанна.

– Ну не знаю... Я ведь посторонний.

– Ты не посторонний, – разубедила Жанна, – ты мой кавалер, а потом внутри имеется комната отдыха, где можешь выпить кофе.

– А зачем вам комната отдыха? Вы там спите, что ли?

– По-разному получается... Иногда нам приходится работать парой. Там мы и отдыхаем.

– Понятно... Что ж, давай посмотрю, где ты работаешь, – согласился Никодим, – а то сколько раз подвозил, а вот внутри ни разу не бывал.

Девушка улыбнулась:

– Тебе понравится. Там уютно. Я в обменник из дома принесла даже скатерть и подушки с одеялом.

– Ах вот как... Одеяла – это хорошо. А сигнализация у вас есть?

– Без нее никак нельзя, – удивилась Жанна. – Она вокруг всего здания проведена. А еще есть датчики, они вмонтированы в окна, в двери. Так что все очень надежно.

Вход в обменный пункт находился по другую сторону дома, за бронированной огнеупорной дверью, в центре которой, упрятанной в металлическую коробку, покрытую антикоррозийной краской, находился цифровой замок, подключенный к сигнализации. Достаточно было набрать неверный номер, как тотчас срабатывали механические датчики, блокирующие дверь, и сигнал о незаконном внедрении на объект посылался в центральный пункт охраны. А еще через несколько минут к охраняемому объекту должна была подъехать группа вооруженных полицейских.

И это только первый уровень защиты. Далее по всему периметру за пару десятков метров от стены были укреплены видеокамеры, фиксирующие каждого подошедшего. Но даже самые современные технические средства ничто в сравнении с людской бдительностью. В одной из комнат здания находился охранный пункт, где отставной капитан полиции, вооружившись пультом централизованного управления, присматривал за входом в здание и помещениями.

Отперев металлический чехол, Жанна уверенно набрала номер. Дверь отомкнулась с негромким щелчком, и они прошли в длинный тамбур, вспыхнувший тотчас ярким светом.

Подняв трубку телефона, Жанна набрала номер.

– Дежурный.

– Слушаю, – отозвался беспристрастный глуховатый мужской голос, все повидавший и ничему не удивлявшийся. У человека с такими интонациями за плечами горб из ста пятидесяти лет жизни. Так что ему в чем-то стоило позавидовать.

– Это обменный пункт шестьдесят четыре восемнадцать, на Дмитровском шоссе, – произнесла Жанна кодовое слово.

– Понял. – Его голос заметно оживился, сбросив добрую сотню лет.

За спиной глухо сработал электромагнит, запирая на запор двери. Вроде бы и комната небольшая, а ощущение такое, что находишься в надежно укрепленном бункере. Дальше еще одна дверь, столь же добротная, защищенная дополнительными бронированными листами, с цифровым замком. Преодолели и ее, оказавшись в сравнительно свободном помещении, оборудованном системой передачи извещений. Над потолком видеокамера, так что кассир работал в системе онлайн и, возможно, даже где-то ощущал себя местной телезвездой.

– Ты оставайся здесь, – показала Жанна на небольшой закуток со столиком, на котором стоял чайник с двумя чашками, подле которых в стеклянной салатнице лежало сдобное печенье. – Дальше нельзя, я сейчас приберу тут и начну работать.

– Работы у тебя много? – спросил Никодим, присаживаясь на стул.

– С утра будет много, должны будут привезти большую сумму, нужно будет поменять на доллары, – показала она на громоздкий сейф, стоящий в самом углу комнаты.

Если смотреть на несгораемый шкаф через окошечко обменного пункта, то видна будет лишь бронированная сторона темно-коричневого цвета. Но даже в этом случае хранилище представляло собой впечатляющее зрелище (настоящий медведь!), о который поломаются рогаatina самого многоопытного медвежатника. В такое нутро можно припрятать целый броневики наличности.

– Вы что, на ночь наличность оставили? – удивился Никодим.

– Мы ничего не могли поделать, доллары подвезли вечером, потому что наш клиент сказал, что наличность понадобится ему утром. Должен рассчитаться по каким-то своим договорам, иначе будет просрочка, а там большой процент.

– Понятно...

– А потом мы и прежде так поступали. Охрана у нас очень надежная, двери тоже. Просто так сюда не войти.

– Тут не возразишь, – протянул Никодим, уважительно осматриваясь по сторонам. Стены комнаты были оклеены обоями в виде каких-то угловатых рисунков, какими были славны полотна первых авангардистов. А вот под ними, помимо толстой каменной кладки, были вмонтированы бронированные панели. – Знаешь, этот твой обменный пункт настоящая крепость. Неужели кто-то осмелится его взломать?

– Мне тоже так кажется, что он непреступный, – легко согласилась Жанна, – но начальству виднее. – Прозвенел короткий звонок. Глянув на монитор, Жанна обрадовалась. – А вот и они, – показала она на три фигуры, стоящие перед дверьми. В одной фигуре узнавалась молодая женщина, как-то по-особому дерзко посматривающая в пучеглазое око видеокамеры. – Это моя напарница, Клара... Ты здесь побудь, а я сейчас их встречу. – Распахнув дверь, Жанна вышла в коридор. Через несколько секунд раздался звонкий металлический щелчок.

Чайник уже вскипел, и Никодим, положив в чашку кофе, стал заливать его кипятком. Вспенившись, кофе образовал светло-коричневую пенку, едва не заползая на края чашки. Теперь оставалось последнее – положить сахар. Вот здесь самый ответственный момент, тут главное не переборщить: нужно положить одну полную ложку, а во второй сахарку должно быть только на самом краешке.

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда Никодим, положив сахар, принялся тщательно его размешивать. В проеме предстали две перепуганные девушки: первой стояла побелевшая Жанна, а рядом с ней худощавая блондинка с короткими волосами. За их спинами в черных шапочках, скрывающих лицо и с прорезями для глаз, возвышались двое парней: один – высокий и худой, с длинными руками; второй, наоборот, низенький и плотный, будто бочонок пива.

Коротышка приставил пистолет к виску Жанны и распорядился спокойным голосом:

– Послушай, приятель, ложись на пол, если не хочешь неприятностей. – Голос у него был хриплый, отталкивающий. Расценив неторопливость по-своему, добавил: – Если начнешь возражать, сначала убью ее, а потом тебя. Патронов у меня хватит.

По жесткому непрекаемому тону, с которым были произнесены страшные слова, верилось, что так оно и случится.

– Парень, ты не горячись, – в знак добрых намерений Никодим слегка приподнял руки, показав пустые ладони. – Сделаю все, что нужно, только не надо всей этой жути.

Стараясь не смотреть на перепуганных девушек, Никодим опустил на пол.

– А теперь, будь добр, руки за голову. Не вынуждай меня применять насилие, я этого не люблю. – Панкратов сомкнул ладони на затылке. Теперь он видел только ноги гостей, одетых в черные и удобные кроссовки: в таких очень легко убежать, никогда не поскользнешься. – Ты послушный парень, когда-нибудь это спасет тебе жизнь. Выруби сигнализацию и видеокмеры, – обратился коротышка к длиннорукому.

Тот уверенно подошел к столу и щелкнул тумблером.

– Порядок!

– Номер не позабыл?

– Легче собственное имя позабыть, чем такое, – удивился второй. Голос у него оказался очень молодым, с надрывными истеричными интонациями. В какой-то момент показалось, что он может сорваться на крик. Обошлось без истерик. Тощий уверенно подошел к сейфу, недолго поколдовал подле него, – слышно было, как глуховато щелкнул цифровой замок, после чего дверца сейфа открылась и торжествующий молодой голос объявил: – Прощу!

Не удержавшись, Никодим приподнял голову. Внутри сейфа на широких металлических полках аккуратно стояли холщовые мешки с печатями, в каких обычно инкассаторы перевозят наличность. Быстро, но без суеты они принялись наполнять деньгами объемные сумки.

– Не дергаться, – хмуро прорычал хрипатый, наставив пистолет точно в голову Никодиму, и он тотчас уткнулся лицом в пол, ощутив кожей холод кафельного покрытия.

– Все! Выходим!

Подхватив по располневшей сумке, они быстро вышли из комнаты. Вторая дверь открылась и так же быстро захлопнулась, звонко щелкнув.

Никодим тяжело поднялся, отряхнув с брюк налипший сор. Скверно! День только начался, а неприятных событий уже целый ворох: его едва не убили, а сам он стал свидетелем ограбления. Чего же тогда в таком случае ожидать к вечеру?

Плюхнулся на стул. С сожалением отметил, что кофе безнадежно остыл. Такую пенку испортили! Все удовольствие пообломали. Слегка отхлебнув напиток, Панкратов поставил недопитую чашку на прежнее место. Теперь как-то не до завтрака, сейчас в горло даже черная икра не полезет!

Жанна напоминала гипсовое изваяние, какие обычно любят ставить в городских парках: с лица ушла вся кровь; круглые обесцветившиеся глаза пялились в утробу распахнутого сейфа.

– Что же теперь будет? – пискнула девушка.

– Полицию нужно вызвать! – отчаянно выкрикнула напарница и, набрав номер, произнесла: – Это полиция?

– Да, слушаем вас, это полиция, – прозвучал заинтересованный мужской голос.

– Нас ограбили!

– Назовите ваше имя. Где ограбили, когда?

– Меня зовут Клара Федоскина... Точнее, не совсем нас ограбили... Я кассир. Ограбили обменный валютный пункт, в котором мы работаем.

– Назовите адрес, – по-деловому последовал ответ.

– Дмитровское шоссе, шестьдесят четыре.

– Когда это произошло?

– Несколько минут назад.

– Что пропало?

– Деньги... Валюта... На двести пятьдесят тысяч долларов.

– Сколько?! – ахнул полицейский, видно, представив целую гору денег.

– Двести пятьдесят тысяч долларов!

– Ждите, выезжаем.

Клара положила трубку.

– Я вот одного не могу понять, как так получилось, что ты пришла вместе с ними? – посмотрел Никодим на девушку. – А потом номер сейфа... Он ведь сразу его открыл. Кто-то ведь называл ему номер.

– Господи, это я во всем виновата, – схватилась за голову напарница.

– Клара, да не голоси ты! Лучше расскажи, что там произошло.

– Знаешь, познакомилась я позавчера с интересным парнем в ресторане «На Тверской». У Вали там день рождения отмечали, ну ты помнишь ее, она ко мне приходила как-то...

– Помню, рассказывай дальше.

– Парень высокий такой, симпатичный, он мне сразу понравился. Предложил встретиться на следующий день. Я согласилась. Он мне позвонил вечером... Ты даже не представляешь, как я ждала этого звонка! Приделась, как на праздник. Бежала к нему на встречу через три ступени, а как села к нему в машину, так он меня сразу в лес отвез, привязал к дереву и стал требовать, чтобы я сказала номер сейфа. Сказал, если не назову, так оставит здесь навсегда, – разрыдалась девушка.

– Что еще он спрашивал?

– Как отключить видеокамеры, сигнализации. Я ему все рассказала, – вновь заголосила Клара.

– Да не реви ты! – прикрикнула на напарницу Жанна. – Что там дальше произошло?

– А чего там дальше? Привез меня в какой-то сарай, надавал оплеух и сказал, что завтра я должна с ним поехать. А если откажусь, так он меня убьет, – снова зарыдала Клара. – Ты уж прости меня, не знала, что так оно обернется, а еще и тебя втянула. Теперь нас уволят.

– Уволят, – передразнила Жанна. – Как бы вообще за соучастие не посадили!

– Неужели могут?! – перепугалась Клара.

– Они все могут!

– Надо было Аркадию Юрьевичу позвонить, – всхлипнула Клара.

– Да, – безрадостно протянула Жанна, – теперь еще и с ним придется объясняться. Я сама позвоню, теперь от тебя толку мало. – Жанна быстро набрала номер. – Здравствуйте, Аркадий Юрьевич... Да, уже на работе. Только у нас одна неприятность произошла... Нас ограбили какие-то преступники, и я... – Жанна нахмурилась. – Да, они забрали все отложенные деньги, а потом... Ну что я могла сделать? – едва ли не навзрыд проговорила Жанна. – Да, позвонили, полиция сейчас подъедет... Хорошо.

– И что? – с надеждой посмотрел Никодим на Жанну. – Чего там наговорил твой босс? На тебе просто лица нет.

Жанна уложила телефон в сумочку. Получилось нервно, именно так избавляются от вещей, приносящих гнетущие воспоминания. Из тощей пачки поспешно выудила тонкую сигарету с длинным коричневым фильтром и, чиркнув зажигалкой, жадно закурила, как если бы опасалась возможного запрета.

Клара поглядывала на подругу сочувственно. Никодим – с некоторым удивлением. До этой минуты он вообще не подозревал, что Жанна курит, но она вдыхала в себя дым умело и глубоко, втягивая в глубину рта пухлые щеки. Так что в ней без труда угадывался курильщик со стажем.

– Ну что ты на меня смотришь с таким укором? – наконец произнесла Жанна, хмуро глянув на оторопевшего Никодима. – Не видел, что ли, курящих женщин?

– Доводилось... – неопределенно пожал плечом Никодим. – Вот только не думал, что этой женщиной можешь быть ты.

– Тебе нужно удивляться как можно реже. Это тебе не идет... Женщины вообще встречаются разные! Если речь идет обо мне, так я и бутылочку крепкого вина могу за вечер выпить. – И уже виновато, отведя взор, добавила: – Три месяца не курила, думала, что бросила. А пачка в сумке просто так лежала... Волю, что ли, в себе воспитывала. И вот не выдержала. Сорвалась! – Небрежно смахнув пепел, добавила: – Теперь мне долго придется собираться, чтобы вновь бросить. – Не докурив сигарету, затушила ее о стеклянную пепельницу, сильно примяв.

– А тебе чего нервничать-то? Ты ведь здесь ни при чем, – попытался успокоить девушку Никодим. – Приедет полиция, во всем разберется.

– Не разберется, – глухо обронила Жанна.

– Откуда такое недоверие к полиции? – невольно удивился Никодим, глянув на потемневшее лицо девушки. – Есть свидетели, может получится раскрыть по горячим следам.

– Аркадий Юрьевич велел сказать полиции... когда она прибудет... что никакого ограбления не было. И что денег в сейфе тоже не было.

– Что?! И как все это понимать?

– А вот так! Я никогда не влезала в их дела, но они чего-то недоговаривают, что-то здесь темное! Пропавшие деньги были не то неучтенная наличка, не то какой-то общак. Все это отмывалось через обменные пункты, а таких обменных пунктов по Москве у Аркадия Юрьевича десятка два наберется! Мы с этого тоже имели какой-то небольшой навар... Чего ты на меня так смотришь? А на какие шиши я стала бы покупать себе тряпье от «Дольче и Габана», от «Гуччи», от «Прада»... – Помолчав немного, добавила: – На квартиру вот коплю... Точнее, копила! А сейчас он мне сказал, чтобы я свою квартиру во Владимире продавала и вернула ему деньги, что забрали из сейфа. Даже не знаю, что делать, там ведь у меня мать живет.

– А про меня что он сказал? – взвизгнула Клара. – Я ведь со свекровью живу в однокомнатной квартире!

– И до тебя доберутся, – хмуро произнесла Жанна.

– И сколько ему требуется? – хмуро спросил Никодим, понимая, что не может оставаться в стороне.

– Ты чего напрягся? – внимательно посмотрела на него девушка. – Тебе нечего беспокоиться, это мои проблемы, и я с ними как-нибудь сама разберусь.

– Неожиданный ответ, – поднял брови Никодим. – Обычно девушки всегда просят помочь.

– Я не из их числа.

Со стороны улицы коротко прозвучала полицейская сирена. Выглянув в оконный проем, Никодим увидел, как полицейский «УАЗ» уверенно потеснил тяжелый джип, заставляя его отъехать от обменного пункта.

– Все, уходи! – поторопила Жанна. – Сейчас подойдет полиция. Не хватает еще, чтобы тебя тоже привлекли. Затаскают!

– Может, мне все-таки стоит как-то помочь, я ведь был все время с вами, – попытался возражать Панкратов.

– Не нужно! Мы сами разберемся. Ляпнешь что-нибудь не так, а нам расхлебывать, мы знаем, что нужно отвечать. Не было никакого ограбления!

– А у вас спросят, почему же вы тогда звонили? Что же вы на это скажете? – направился к выходу Никодим.

– Скажем, да, были налетчики... Хотели ограбить, но в сейфе ничего не оказалось, потому что наличность инкассаторы забрали накануне вечером.

– Как знаете.

– Созвонимся попозже.

Никодим прошел мимо Клары, продолжавшей всхлипывать, и скорым шагом вышел на улицу, встретившую его недружелюбно охапками упругого ветра. По спине и плечам неприятными мурашками пробежал озноб, заставив зябко поежиться.

Утренняя тревога оправдалась сполна. Теперь вот давил еще груз переживаний, не давая возможности распрямить спину. Из полицейского «УАЗа», широко распахнув двери, выскочили четверо полицейских с автоматами наперевес и скорым шагом направились к обменному пункту, где их поджидала Жанна, слегка приоткрывшая входную дверь.

Сняв машину с сигнализации, Никодим плюхнулся в водительское кресло и тотчас почувствовал заботу лайковой кожи, нежно обхватившей натруженную спину. Оказавшись в замкнутом пространстве и отгородившись от неприятностей, собственно, как и от всего мира, Панкратов на какое-то время почувствовал успокоение. Смежил глаза, получая удовольствие от наступившей тишины. Так он просидел несколько минут, ощущая, как тело наливается теплом. Наконец, окончательно успокоившись, он, повернув ключ зажигания, услышал, как деловито и мягко заработал двигатель (хорошо, что хоть здесь все благополучно!). Теперь домой, и до завтрашнего дня нос на улицу не показывать!

Глава 4

Воровской общак, или «Просто я очень устала»

Вопреки ожиданию день продолжился не столь драматично. По другую сторону металлической входной двери, где-то на плавящемся от солнца городском асфальте, разыгрывались настоящие трагедии: люди огорчались, плакали, страдали; заболели; испытывали нужду и голод, а он, заперевши на все засовы, как будто бы пребывал в некоем оазисе, свободном ото всех переживаний. Для счастливой жизни нужен покой, а еще большой холодильник с качественным пропитанием (у него было и то и другое). Благо что запаса необходимым впрок, как будто бы предчувствовал надвигающиеся ненастья. Вкусная пища просто пересыщена эндорфинами, способными поднять самое скверное настроение. Так что этим обстоятельством нужно воспользоваться.

Открыв холодильник, Никодим отрезал кусок сочного мяса и с аппетитом зажевал. Проглотив, осознал, что для полного счастья этого оказалось крайне маловато. Что там еще можно слопать? Лучше всего сообразить салатик. Панкратов нарезал в глубокую тарелку помидоры, густо сдоблив их крупной морской солью, после чего обильно залил ломтики густой сметаной, добавил репчатого лука, перчику...

Просто, но зато так аппетитно! Кажется, в голове усиленно заработал гипофиз, выделяя гормоны счастья.

Звонок прозвенел в тот самый момент, когда Никодим зачерпнул ложкой приготовленный салат. Трель звонка болезненно ударила по нервам, заставив расслабившееся было нутро вновь сжаться в один упругий комок.

Кто это может быть?

Никодим включил монитор, и видеоглазок, закрепленный над самой дверью, угодливо продемонстрировал нужную картинку: у порога стоял молодой мужчина лет тридцати пяти и терпеливо дожидался ответа. Широкофокусный объектив видеокамеры охватил площадку, заглянул на лестницу, где могли прятаться нежданные гости. Более никого! Гость выглядел вполне располагающе, одет был в темно-синий костюм, в руках коричневый кожаный портфель. Поправил очки, сползшие на кончик носа, и в терпеливом ожидании посмотрел прямо в камеру, снимавшую его крупным планом. Объектив камеры, обладая высокой разрешимостью, угодливо заснял на его лице каждую пору; удалось рассмотреть даже большое родимое пятнышко светло-коричневого цвета на самой середине правой щеки. Физиономия не злодейская, обыкновенная, видно, какой-нибудь клерк из интернет-компании, предлагающий за дополнительную плату ворох ненужных услуг. В последнее время таких непримечательных типов по подъездам шастает целая армия. В кожаном портфеле наверняка хранятся договоры, которые можно будет оформить прямо на месте.

– Вам кого? – спросил Никодим, внимательно разглядывая простоватое лицо гостя.

– Мне бы хотелось поговорить с Никодимом Арсеньевичем Панкратовым. Он здесь проживает? – мягким голосом спросил неожиданный визитер.

Ишь ты, какой прониливый оказался, даже отчество разужнал.

Никодим не спешил открывать дверь. Лицо гостя оставалось спокойным, голос звучал доброжелательно. Скрытая агрессия тоже не просматривалась. Такого типа трудно представить с монтировкой в руках где-нибудь в темном безлюдном переулке или размахивающим кулаками подле какого-нибудь винного магазина. Серый и незаметный, как ночная мышь, он может потянуть разве что на карманника, работающего в метро в час пик.

– А по какой надобности?

– Видите ли, я пришел по поручению его девушки... Жанны. Дело очень срочное.

– С ней что-нибудь случилось? – Голос невольно сбился на взволнованные интонации.

– Не переживайте, с ней все в порядке, – успокоил незваный гость. – Просто она просила кое-что передать лично вам. Это не займет много времени.

Внешний мир не желал признавать его умиротворенного одиночества и стремился вторгнуться в оазис спокойствия и благополучия. Можно было бы по-прежнему делать вид, что для него не существует проблем, кроме собственных, но что-то подсказывало Никодиму, что в таком случае объяснение с клерком состоится немногим позже, когда он выберется из своего уютного убежища. Лучше сделать это сейчас, окончательно вычеркнув из биографии еще одну нелицеприятную историю.

– Проходите, – произнес Никодим и нажал на кнопку автоматической разблокировки.

Дверь чуток приоткрылась, потеснив гостя, и тот, потянув за медную ручку, широко распахнул дверь.

– Здравствуйте, – произнес нежданный гость, когда прошел в коридор, изобразив на своем сухопаром лице нечто похожее на улыбку.

Вблизи он оказался еще более безобидным, чем через систему линз, выведенных на монитор. Да и росточком смотрелся поменьше. Гость был из тех самых парней, что обходят спортивные залы за версту, обычно их сторонятся ребята, а девушки не обращают на них внимания. Интересно, что может быть общего у этого щедедушного человека с Жанной, которая не смотрит в сторону мужчин ниже метра девяноста.

– Чем обязан? – спросил Никодим, внимательно осмотрев непрошеного гостя. – Извините, внутрь не пропускаю, в квартире не прибрано. Как-то неудобно...

– Ничего, можно поговорить и здесь, – скрывая усмешку, проговорил гость. – Вы ведь были в обменном пункте, когда его ограбили? – пристально посмотрел щедедушный на Никодима. Через линзы очков его глаза казались крупными и круглыми, как у морского окуня. Радужка, практически лишенная окраски, выглядела неестественной. Потребовалось некоторое усилие, чтобы выдержать холодный взгляд неестественных глазищ. Под черепной коробкой у этого парня определенно веселились бесы.

– И что с того?

– Объясняя, из обменного пункта пропала очень крупная сумма. Двести пятьдесят тысяч долларов.

Разговор принимал неприятный оборот. Прямо с порога.

– Давайте все-таки пройдем. Вижу, что наша беседа затягивается.

– Благодарю вас, – отвечал щедедушный, проходя в коридор. – Я знал, что вы окажетесь разумным.

– Кто вы такой? С кем я имею дело?

– Видите ли... Я Аркадий Юрьевич Гуревич... Скажем так, директор этого обменного пункта. И работодатель вашей девушки.

– Ах вот оно что, значит, это они о вас говорили. Я вас представлял несколько иначе.

– Не сомневаюсь. Наверное, с громовым голосом, человеком весьма неинтеллигентным и с золотой цепью на шее. Ничего этого у меня нет.

– Мне представляться, думаю, не нужно.

– Совершенно верно, я знаю о вас больше, чем вы думаете. Так что вы на это скажете?

Никодим Панкратов пожал плечами и спокойно ответил:

– Вызовите полицию, она разберется во всем. И вообще, какое отношение к этому ограблению имеет Жанна? А то, что касается меня... так я там вообще первый раз был.

– Деньги пропали во время дежурства Жанны и Клары, а вы, насколько мне известно, парень Жанны. Так что к этой пропаже вы имеете самое непосредственное отношение, – едва ли не ласковым голосом пояснил Аркадий Юрьевич. – Ответственность за их пропажу лежит на вас обоих. А обратиться к полиции мы не можем по той простой причине, что эти деньги не

значатся в ведомостях, и у полиции об их происхождении может возникнуть немало вопросов, на которые нам бы не хотелось отвечать. Вы понимаете, о чем я говорю?

Никодим Панкратов все более хмурился. Он не понимал, что мешает ему вышвырнуть этого нахала за порог, может, все дело в его рыбьих зенках?

– Не совсем, – выдал из себя Никодим.

– Поясняю, – произнес тщедушный с интонацией терпеливого учителя, объясняющего трудный урок нерадивому ученику. – Это воровской общак... Надеюсь, вам не нужно говорить, что это такое? У любого человека, который на него покусится, будут, как бы это вам помягче сказать... крупные неприятности! Вы не смотрите на меня так... Речь идет и о вас, и о Жанне. Мы допускаем вероятность, что именно вы причастны к пропаже денег.

– Бред какой-то!

– Я бы так не сказал. Дело весьма серьезное.

– Предположим... А вы какое отношение имеете к общаку? – выдал из себя Никодим.

– Самое прямое, я держатель общака. – Теперь гость не выглядел тщедушным, за ним чувствовалась серьезная биография. – Чего вы на меня так смотрите?

– Что-то вы не очень похожи на держателя общака.

– А вы многих держателей видели?

– Ну, как вам сказать...

– Понимаю... Вы думаете, что держатель общака должен быть под два метра ростом, с татуировками по всему телу и с золотыми фиксами? – удивленно спросил тщедушный. – Возможно, что когда-то так оно и было, но сейчас совершенно иные времена. Сейчас общак – это не мешок с деньгами, когда нужна была только грубая сила, чтобы его тащить и защищать. Сейчас в первую очередь это банковские вклады, акции, недвижимость, счета за границей, – принялся он перечислять на пальцах. – Разобраться во всем этом очень непросто. Для этого нужно специальное экономическое образование, а оно у меня как раз имеется. Моя задача – грамотно вложить деньги в прибыльное предприятие и приумножить их. Обезопасить деньги от возможной инфляции, так что, по большому счету, дел немало. Для всего этого нужны мозги, – постукал он себя указательным пальцем по лбу. – А их ценят не только в институтах, но и... скажу так... в некоторых социальных сообществах. За это я и получаю достаточно хорошо. Во всяком случае, куда больше, чем когда был научным сотрудником в экономическом институте... Кажется, вы тоже там устроились после своего приезда из Америки? – Никодим промолчал. – Так что в какой-то степени мы с вами коллеги. Да, еще вот что, не тяните с перечислениями, мы бы хотели получить от вас деньги завтра, в крайнем случае послезавтра. – Широко улынувшись, добавил: – Уверен, у вас есть для этого возможности.

– И какие же, по-вашему? Я должен караулить в темных подъездах старушек и вытряхивать из их карманов кошелек? Так, что ли?

Аркадий Юрьевич энергично рассмеялся:

– А вы остроумный. Похвально! Хорошо, когда человеку не изменяет чувство юмора даже в критических ситуациях. Стало быть, у него имеется хороший потенциал. Я тут немного пособирал о вас кое-какой интересный материал.

– И что же вы такого нарыли?

– Первое, что бросается в глаза, – вы живете не по средствам. Серьезная тачка, кабаки, девочки, дорогие поездки в тропические страны...

– Вы много обо мне знаете.

– Хотелось бы больше, но этого тоже достаточно, чтобы получить назад общаковские деньги. Знаете, я тут немного покопался в ваших финансовых счетах. Не удивляйтесь, у меня есть для этого кое-какие возможности. – Открыв папку, которую держал в руках, Аркадий Юрьевич поправил очки, без конца сползающие, и прочитал: – У вас только в Москве имеются три банковских счета. Не далее как вчера вы перевели на свой счет в банк «Московский

Витязь» две тысячи триста долларов. Я ничего не перепутал? – И, не дождавшись от Никодима ответа, продолжил: – Потом еще в банк «Российские просторы» три тысячи пятьдесят долларов, в банк «Руслан» целых пять тысяч триста... Причем такие перечисления вы совершаете регулярно, по несколько раз в месяц. Потом все эти деньги вы переправляете на счет офшорного банка в Гибралтаре, оставляя на жите сравнительно небольшую сумму. По моим данным, в настоящее время у вас на счету не менее трехсот тысяч долларов. А еще вы совершаете перечисление из американских банков «Колорадо», «Нью-Йоркская наличность». Возможно, банков несколько больше. Я ничего не путаю? Вы ведете весьма активную деловую деятельность. Весьма похвально! Вот, собственно, и все, что я хотел вам сказать... Ах да, чуть не забыл, – слегка стукнул он себя узкой ладошкой по лбу. – Наша организация испытала некоторые затруднения после ограбления. Но ведь кто-то же должен нести за это ответственность? Так что за моральный ущерб вы должны нам еще десять процентов. Итого получается двести семьдесят пять тысяч.

– В такой уважаемой организации, как ваша, у каждого имеется погоняло. Интересно знать, какое оно у вас?

– Мое погоняло Слон, – просто произнес тщедушный.

– Вы не производите впечатление... как бы это сказать помягче... силача!

– Ха-ха, а вы находчивый! А еще и смелый, в наше время это весьма редкое качество... Понимаю, это выглядит несколько комично, если смотреть на мою комплекцию. Но в этом и заключается фокус. Хотя... если бы вы знали о моей деятельности немного побольше, то вы бы не удивлялись такому прозвищу. Сила должна быть вот здесь, – постучал он себя указательным пальцем по лбу. – Надеюсь, вы понимаете, о чем я.

– Вполне, – усмехнувшись, ответил Никодим. – А если у меня нет желания отдавать вам деньги?

– В таком случае это может закончиться для вас и Жанны очень крупными неприятностями. У Жанны для начала мы отнимем квартиру. Она не стоит больших денег, но по-другому мы не можем. Иначе каждый кассир начнет вести себя... неправильно.

– А если я не сумею отдать вам деньги в срок?

– Это будет стоить вам один процент за каждый просроченный день. Наше ожидание не может продолжаться бесконечно долго, сами понимаете... Все-таки у нас не благотворительная организация, все эти деньги завязаны на конкретных делах и людях. Не хотелось бы вас пугать, но вы должны тоже понять нас правильно. И, упаси боже, пытаться от нас скрыться. – Тщедушный снял очки и внимательно посмотрел на Никодима. Без очков, с прищуренными глазами, он выглядел совершенно беззащитным, словно крот, выбравшийся на солнечный свет. – Это может закончиться для вас весьма печально. А я бы очень не хотел, чтобы с вами что-нибудь случилось. Вот теперь, кажется, все, – вновь нацепил он на нос невесомую оправу. – Надеюсь, я вас не очень обременил своим появлением?

– Что вы, совсем нет, – хмыкнул ядовито Никодим. – Вы производите весьма благоприятное впечатление.

– Собственно, так я и думал. Не знаю, как для вас, но лично для меня наш разговор был приятен. В кои-то веки поговорил с интеллигентным человеком. А то, знаете ли, все эти распальцовки, зековские кривлянья, феня, – незванный гость неприязненно поморщился, – наколки по всему телу. Разговоры за жизнь, сентиментальные признания, пьяные слезы... Просто ненавижу! Устал я от всего этого! А тут у вас как будто бы просто душой отдохнул. Словно вернулся в свою прежнюю жизнь, в свой институт, где я по-своему был счастлив.

– Так что же мешает вам вернуться обратно? – едко спросил Никодим. – Глядишь, может, отдел бы какой-нибудь возглавили?

– Хороший вопрос. – Призадумавшись, добавил: – Привык, наверное... Да и деньги за свои старания получаю немалые. А потом на кого же я оставляю всю эту богадельню? Вам может

показаться странным, но эти уголовники доверчивые, как дети! Разве я могу обмануть их ожидания? Э-эх! – тяжело выдохнул Аркадий Юрьевич. Посмотрев на часы, переполошился: – Ох! Я ведь безнадежно опаздываю, мне ведь еще нужно успеть в пару мест.

– Еще к каким-нибудь должникам?

– Ха-ха! Опять вы шутите. Хвалю! Одно время мне пришлось стажироваться в Оксфорде, так могу вам заметить, что у вас типично английский юмор. Посмеялся бы вместе с вами, но, увы, пора откланяться. Если у вас возникнут какие-то вопросы, то всегда буду рад вам помочь. – Вытащив из кармана визитку, он сунул ее в ладонь обескураженному Никодиму. – Любить меня не обязательно, но вот жаловать рекомендую... Это для вашего собственного блага, завтра жду вас в ресторане «Адмирал» в семь часов вечера, – и мягко прикрыл за собой дверь.

Еще через секунду по бетонным ступеням зазвучали его бойкие удаляющиеся шаги.

Отодвинув штору, Никодим Панкратов посмотрел во двор, где у бордюра под самыми окнами припарковался серебристый «Ренджровер». При появлении Аркадия Юрьевича задняя дверь стремительно распахнулась, и из нее проворно выскочил крепкий молодой мужчина лет тридцати в просторной легкой одежде и предупредительно распахнул перед ним дверь. Другой, стоявший в нескольких метрах от машины, зорко посматривал по сторонам, а когда задняя дверца захлопнулась, быстро занял переднее пассажирское кресло.

Явно не уголовники, в них просматривалась отменная выучка, какую можно заполучить только в серьезных государственных структурах. Ни одного неверного движения, пытливыми взглядами цепляли каждый угол, где могла бы таиться хотя бы малейшая опасность. Видно, воровское сообщество весьма дорожит этим тщедушным, если определило его в охрану столь подготовленных людей.

И все-таки почему не дает знать о себе Жанна? Никодим потянулся к телефону, но потом раздумал. Пусть лучше позвонит сама...

Оставалось непонятным, каким образом он узнал о его нехитрых комбинациях с американскими банками. Ведь он держал их в строжайшем секрете. Это можно было сделать, только проникнув в базу данных его компьютера. Этот очкарик не такой уж и простодушный, как может показаться на первый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.